

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.162.106>

БОЖЕСТВО «КЫЫС ТАНГАР»: К СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА ВОСКРЕСАЮЩЕГО ГЕРОЯ В РАННЕЙ ЯКУТСКОЙ ПРОЗЕ

Научная статья

Карманова (Ноева) С.Е.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-2957-5233;

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kem-2023[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению нарратива о возвращающемся герое и рассматриваемом в его аспекте мотива умирания / воскресения. На примере якутского фольклорного и литературного материала анализируются ключевые особенности поэтики текста, его сюжетно-мотивный, образный аспекты. Автор статьи обращается к текстам якутской сказки «Старушка Бэйбэрикэн с пятью коровами», предания «Ый Кыына», якутских рассказов начала ХХ в. «Мотую» Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйя, «Аанчык» Д.К. Сивцева-Суорун Омоллона, «Мааппа» Н.М. Заболоцкого-Чысхаан, в которых широко отражается специфика культурного осмысливания феномена жизни/смерти. Особое внимание исследователя уделено теме женской судьбы, через понимание которой можно усмотреть особенности разграничения фольклорного и авторского типов текста, пути эволюции авторского сознания в национальной литературе начала ХХ в.

Ключевые слова: поэтика текста, фольклорный мотив, ранние тексты литературы, проза Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйя, Мотую, умирающий герой, нарратив, структура произведения, мотив смерти / воскресения.

THE DEITY "KYYS TANGARA": ON THE SEMANTICS OF THE RESURRECTED HERO IN EARLY YAKUT PROSE

Research article

Karmanova (Noeva) S.Y.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0002-2957-5233;

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

* Corresponding author (kem-2023[at]yandex.ru)

Abstract

This article is devoted to the study of the narrative of the returning hero and its aspect of death/resurrection. On the example of Yakut folklore and literary material, the key traits of the poetics of the text, its plot, motif, and imagery aspects are analysed. The author refers to the texts of the Yakut fairy tale "Old Woman Beiberiken with Five Cows", the legend "Yi Kyiha", and Yakut stories from the early XX century, "Motuo" by N.E. Mordinova-Amma Achchigya, "Aanchyk" by D.K. Sivtseva-Suorun Omollona, and "Maappa" by N.M. Zabolotsky-Chyshaan, which broadly reflect the specificity of the cultural understanding of the phenomenon of life/death. The researcher pays particular attention to the theme of women's destiny, through an understanding of which one can discern the specifics of the distinction between folkloric and authorial types of text, as well as the evolution of authorial consciousness in national literature at the beginning of the XX century.

Keywords: poetics of text, folklore motif, early literary texts, prose by N.E. Mordinova-Amma Achchigya, Motuo, dying hero, narrative, structure of the work, motif of death/resurrection.

Введение

Одним из распространенных мотивов в мировой культуре является мотив воскресения, реализующийся в контексте темы жизни/смерти. Являясь устойчивым универсальным мотивом, данный мотив функционирует во многих фольклорно-мифологических текстах, художественных произведениях и способствует формированию культурных образов, которые имеют универсальные характеристики умирающего бога/зверя, жертвующего собой героя. Мотив об умирающем и воскресающем герое обычно рассматривается в контексте календарных мифов, связанных с циклическим возрождением природного мира и ритуалами аграрных, промысловых культов (Дж. Фрэзер, П.А. Гринцер, М. Элиаде, В.Я. Пропп, С.А. Токарев, Е.М. Мелетинский, П.А. Гринцер, А.Е. Наговицын, Р.И. Бравина).

Аналитическим инструментом в статье стали междисциплинарный, структурный, системный подходы к изучению фольклорно-литературного материала: якутской народной сказки «Старуха Бэйбэрикэн с пятью коровами», предания «Лунная девушка» и литературных текстов начала ХХ в.

Основные результаты

В тексте якутского фольклора мифологическая схема «рождение — смерть — воскресение», актуализирующая идею возвращения, используется довольно часто. Текст якутской сказки «Старуха Бэйбэрикэн с пятью коровами» чаще записывали в северных районах, реже в центральной Якутии и вилюйских районах республики. Одним из лучших по сюжетно-композиционному строению, содержанию и художественной выразительности является текст,

записанный от Н.А. Абрамова (хранится в АЯНЦ СО РАН в ф.5., оп.3, д.426, л.1-12, опубликован в научном издании «Якутские народные сказки» в 2008 г.) [10, С. 194–218].

Все персонажи сказки кроме девушки, которую именуют Девушка Бэрдигэс От (Девушка-Хвощинка), имеют характерные имена собственные — старушка Бэйбэрикээн, парень Харадын Мэргэн (вар. Хаардыйг Бэргэн), Хара Хаан баай (вар. Хайбамсык Хара Хаан баай), конь Чоочугур Чуюбур.

Можно сказать, что в сюжете данной сказки отражается схема бинарной оппозиции жизни-смерти, отсылающая к природному циклическому круговороту. Как следует из анализа текста, в сказке довольно аутентично воссоздан мотив воскресения якутской природы. Гендерные знаки, представленные в сказке, дымоход балагана/юрты (үөлэс) как символ женского полового органа и фаллический символ в виде стрелы (онобос) молодого охотника, намекают на сакральный брак неба и земли. Мотив попадания стрелы в дымоход является устойчивым мотивом в разных вариантах сказки: «Заметив ее, сын Хаана, целясь-прицеливаясь, с грохотом выстрелил — промахнулся. Сбившись, тальниковая стрела полетела мимо нее вверх. Когда, мимо пролетев, падала вниз, скользнула в дымовое отверстие [домика] старушки Бэйбэрикээн» [10, С. 199]. Можно предположить, что повествовательный элемент о падении стрелы, грохочущем выстреле, и следующий за этим сюжет мытья посуды старушкой (на просьбу вынести стрелу она говорит, что занята, моет ковш, горшок и посуду) имплицитно связаны с сакральными действиями, относящимися к явлениям природы: грому, молнии и дождю (благодати).

Во власти дьявольской женщины-абаасы, погубившей красавицу и ставшей обманом женой Харадын Мэргэна, усматривается предопределенность наступления зимы, закономерно вступающей в свои права и брачующейся с отцом-небом в определенный отрезок времени. Атрибуты женщины-абаасы намекают на ее причастность к перевернутому миру, миру неживых: ее «полголовы словно бы опалено огнем», жилище, предметы обихода лишены характеристики полноты, истинности. Это покосившиеся «величиной с полбалагана» балаган, «величиной с полпечи» печь, развалившаяся / сломанная посуда: «горшок величиной с полгоршка», «поварешка величиной с полповарешки» и т.д. [10, С. 209].

В некоторых вариантах сказки встречается сюжет об очищении жениха от скверны после изгнания (смерти) дьявольской женщины. Как следует из варианта сказки, записанной И.А. Худяковым в Верхоянске, по велению лошади Чоочугур Чуюбур, парня-жениха в течение 30 дней проветривают, очищают [5, С. 16–25]. Этот эпизод семантически можно сопоставить с картиной весеннего половодья и сезонных ветров. Сюжет счастливого воссоединения Девушки-Хвошинки и парня Харадын указывает на расцвет якутской природы [10, С. 219].

В отличие от других трансформирующихся (умирающих, воскресающих, изгоняющихся, излечивающихся) персонажей, образ старушки Бэйбэрикээн ('бэйбэрий') — досл. бегать быстро и мелкими шажками, обычно о маленьком ребенке или пожилом полнотелом человеке) есть хтонический образ великодушной и щедрой матери-земли, воплощающей ее главную сущность — неизменность, цельность и изобильность. В описании ландшафта земли в экспозиции сказки приводятся сравнительные конструкции с семантикой **плодородия (плодовитости)** — это слова со значением **жирной еды** (бырта 'паховый жир', харта 'блodo из толстой кишки', эт 'мясо', чоочу 'кусочки печени, завернутые в сальник') и **брачного ложа** (бэриинэ 'перина, наматрасник, матрас') — «У нее земля с речкой Биэтэлимэ, говорят, с уткой-лутком, говорят, с травой-мятником луговым, говорят, с косогором-периной, говорят, с горой-пахом, говорят, с отмелью-кишкой конской, говорят, с лесом-наваром жирным, говорят, с сорняком-мясом, говорят, с долиной-сальником, говорят» [10, С. 195]. Поэтому уместно говорить о том, что в сюжете воскресения девушки-цветка, являющейся персонификацией растительности (растительного мира), усматривается умирание и воскресение растительности после долгой зимы/смерти.

Мотив умирания и воскресения отражается в якутском предании об Ый Кыына (досл. Дочь Луны или Лунная девушка) (архив ЯНЦ СО РАН в ф.5, оп.3, д. 789, д. 30–30). В труде И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа» записано несколько вариантов этого предания.

Луна, как основной образ лунарного мифа, дополняясь отрицательно маркированной символикой (ночи, одиночества, темноты), участвует в формировании сюжета об одинокой девушке, которая выбрала жизнь на луне [6, С. 197]. Луна как ночное светило устойчиво связывается с загробным миром [4, С. 273]. Наблюдаемая здесь тема отчуждения девушки от земного мира усиlena нарративом с социальной проблематикой — бедная сирота, страдающая от невзгод, предпочитает путь в небо, то есть умирает.

В отличие от сказки, где сюжет умирания и воскресения героя связан с циклическим возрождением природы, данный текст имеет элементы, отсылающие к космогоническим мифам с этиологическими сюжетами, повествующими о формировании рельефа небесного светила. В конце текста о Лунной девушке дается объяснение тому, почему на поверхности луны имеются пятна и почему собаки ночью воют на луну [6, С. 199]. Текст этого предания приведен в труде В.Л. Серошевского «Якуты»: «...ее прекрасно видно в полнолуние и называется она 'сиротой, душой луны' (тулаайах, ый иччитэ); по мере того как растет сирота, растет и месяц» [8, С. 667]. В вариантах предания указывается превращение девушки в душу луны (ый иччитэ), которое отсылает к якутскому ритуалу почитания умершей девушки, превращения ее в божество Кыыс Тангара. В этом контексте также могут рассматриваться фольклорные нарративы, предания о Ныка Харахсын, дочери первопредка народа саха Омогой бая, также известной красавице Суосалдыйя Толбонноох, после смерти перевоплотившихся в грозных ўэр, духов болезней [2, С. 305].

Формирование концепции жизни и смерти тесно связано с мировоззрением, нормами и ценностями северного народа, который стремился осмысливать вопросы, связанные с рождением, умиранием, через призму реальности, в которой он живет. Поэтому осмысление данных вопросов имманентно связано с философскими понятиями, имеющими ключевое значение в его жизни — это концепты дылба (судьба), онохуу (рок), анал (предназначение), ыйяах (судьба), төлкө (участь) со значением фатальности, неизбежности бытия. Относящийся к погребальной культуре якутов культ поклонения умершей деве (кыыс тангара) также отсылает к рассматриваемому мотиву воскресения.

Рассказы «Аанчык» (1927) Д.К. Сивцева-Суорун Омolloона, «Мотую» (1928) Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, «Мааппа» (1944) Н.М. Заболоцкого-Чысхаан имеют рамочную композицию и построены по принципу «рассказ в рассказе». Тема умирания/угасания в трех рассказах раскрывается через сдержанное повествование; формирование хронотопа узкого пространства, присутствие одиноких, отчужденных персонажей.

Интересен выбор голоса нарратора: монолог как способ повествования способствует раскрытию внутренних конфликтов, передаче эмоционального состояния главного героя (в основном это старый человек). В рассказе «Мотую» образ рассказчика равнозначен фигуре автора, который ведет повествование от первого лица. Для этого используется особый идиолект, в котором воплощен эффект личного присутствия рассказчика как участника событий: "Хайдахайдах этэй? Мин ууһумсүйбакка кэлсиим, эн иһим" (Как же это происходило? Я расскажу, а ты слушай) [3, С. 63], "... олох уүн суолун устун сиэттиспитинэн бардар бара туруоххут, мин эдэр доборуом..." (Вы пойдете по жизни рука об руку, милый друг мой...) [3, С. 71].

Раскаивающиеся, страдающие герои рассказов проходят разные пути духовного обновления. Рассказ заканчивается обращением автора о ценности жизни, необходимости личностного развития во благо себя и общества. Рассказчик завершает свое повествование словами о том, что он в течение 20 лет жил и трудился, стремясь много преуспеть и развиваться, чтобы молодые девушки не уходили из жизни так рано. [3, С. 70]. Одинокий путник Ылдьяа («Мааппа») сумел не только исполнить последнюю волю бедной Мааппа, захоронив ее останки, он впервые за свою жизнь задумывается о свободе [1, С. 181]. Сложный путь духовной инициации прошел и старик Мыычаар («Аанчык») после смерти любимой женщины [9].

Обсуждение

Ролевая структура фольклорно-мифологических структур о возвращающемся герое была рассмотрена в работах Дж. Фрэзер, М. Элиаде, В.Я. Проппа, С.А. Токарева, Е.М. Мелетинского, П.А. Гринцер, С.Ю. Неклюдова и др. В материале ранней якутской литературы начала XX в. воскресение становится символом не только физического возрождения, но и внутренней трансформации героев (И.В. Пухов, В.Т. Петров, С.П. Ойунская, Т.П. Самсонова, С.Е. Ноева и др.). Литературная преемственность, касающаяся нарратива об умирании девушки, является лейтмотивом в ранних литературных текстах начала XX в., где линия героя также связана с рядом универсальных образов — зимы, отчуждения, смерти. Как отмечают исследователи, устойчивость мифологической модели объясняется «семантикой ее компонентов и их ассоциативными связями», обусловленных их глубинной психологической («архетипической») подосновой [4, С. 270].

Заключение

Как видно, мотив воскресения героя на якутском материале получает довольно интересное воплощение, семантически преображаясь в пределах определенного текста, его жанровой специфики. Тема умирающего героя (девушки) в литературе раскрывается в несколько ином аспекте, чем в фольклорных текстах. Если в сюжетной линии фольклорного героя, умирающего и воскресающего, утверждается концепция обновления природы, космического порядка, то в художественных текстах через схему жизни / смерти обосновывается идея об инициации духовного порядка умирающего героя или персонажа, относящегося к его сюжетной линии. С включением в систему литературы инициирующего героя, наделенного идеальными характеристиками, возведенного в ранг небожителя (божества), меняется способ отражения художественной действительности и путей эволюции героя литературы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Заболоцкий-Чысхаан Н.М. Мааппа: Сэһэннэр, кэпсээннэр / Н.М. Заболоцкий. — Дьюкуускай : Бичик, 2003. — 256 с.
2. Кулаковский А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. — 484 с.
3. Мординов Н.Е. Рассказы, стихи / Н.Е. Мординов. — Якутск : Бичик, 2005. — 144 с.
4. Неклюдов С.Ю. Литература как традиция. Темы и вариации / С.Ю. Неклюдов. — Москва : Индрик, 2016. — 520 с.
5. Образцы народной литературы якутов. Выпуск 1: Сказки. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1913. — 199 с.
6. Предания, мифы и легенды якутов (саха) / сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. — Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. — 400 с.
7. Пропп В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. — Москва : Наука, 1969. — 168 с.
8. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования / В.Л. Серошевский. — Москва, 1993. — 744 с.
9. Сивцев Д.К. Рассказы / Д.К. Сивцев. — Якутск : Якутское книжное издательство, 2006. — 200 с.
10. Якутские народные сказки / сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева [и др.]. — Новосибирск : Наука, 2008. — 462 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zabolotsky-Chyskhaan N.M. Мааппа: Сээннэр, кэпсээннэр [MAPP: short stories, novellas] / N.M. Zabolotsky-Chyskhaan. – Yakutsk : Bichik, 2003. – 256 p. [in Yakut]
2. Kulakovskiy A.E. Nauchnye trudy [Scientific Works] / A.E. Kulakovskiy. — Yakutsk : Yakutsk Book Publishing House, 1979. — 484 p. [in Russian]
3. Mordinov N.E. Rasskazy, stikhi [Short Stories, Poems] / N.E. Mordinov. — Yakutsk : Bichik, 2005. — 144 p. [in Russian]
4. Neklyudov S.Yu. Literatura kak traditsiya. Temy i variatsii [Literature as a Tradition: Themes and Variations] / S.Yu. Neklyudov. — Moscow : Indrik, 2016. — 520 p. [in Russian]
5. Obraztsy narodnoy literatury yakutov. Vypusk 1: Skazki [Samples of Yakut Folk Literature. Issue 1: Fairy tales]. — Saint Petersburg : Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1913. — 199 p. [in Russian]
6. Predaniya, mify i legendy yakutov (sakha) [Traditions, Myths and Legends of the Yakuts (Sakha)] / / comp. N. A. Alekseev, N. V. Yemelyanov, V. T. Petrov. — Novosibirsk : Nauka, Siberian Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1995. — 400 p. [in Russian]
7. Propp V.Ya. Morfologiya skazki [Morphology of the Folktale] / V.Ya. Propp. — Moscow : Nauka, 1969. — 168 p. [in Russian]
8. Seroshevsky V.L. Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts: An Ethnographic Study] / V.L. Seroshevsky. — Moscow, 1993. — 744 p. [in Russian]
9. Sivtsev D.K. Rasskazy [Short Stories] / D.K. Sivtsev. — Yakutsk : Yakutsk Book Publishing House, 2006. — 200 p. [in Russian]
10. Yakutskie narodnye skazki [Yakut Folk Tales] / comp. V.V. Illarionov, Yu.N. Dyakonova, S.D. Mukhopleva [et al.]. — Novosibirsk : Nauka, 2008. — 462 p. [in Yakut, Russian]